
СОЦИОПОГИЯ

© Г.Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ, В.А. ДАВЫДЕНКО

www.kutsev.ru, president@utmn.ru, vlad_davidenko@mail.ru

УДК 316.472:316.77

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ДОВЕРИЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ

АННОТАЦИЯ. В статье впервые исследуется проблема соотношения базовых научных категорий гражданского общества и доверия. Выясняется как общее, так и различное в смысловом понимании и реинтерпретации этих терминов, взятых с теоретической и практической точек зрения. На основании авторских эмпирических данных и новых концептуальных решений делаются фундаментальные выводы по представленной тематике в рамках парадигмы единого процесса человеческого развития.

SUMMARY. For the first time the problem of correlation of basic scientific categories, such as civil society and trust, is being discussed in the article. The general and differentiating features in semantic understanding and reinterpretation of these terms from the theoretical and practical points of view are determined. On the basis of the author's empirical data and new conceptual decisions, the fundamental conclusions are made on the presented subject matter within the paradigm of a single process of human development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гражданское общество, доверие, единый процесс человеческого развития.

KEY WORDS. Civil society, trust, uniform process of human development.

В течение последних десятилетий в России возник и начал укореняться целый ряд институтов демократии — парламент, свободные СМИ, органы местного самоуправления, различные общественные объединения и общественные движения*. Однако с введением и укреплением вертикали власти — комплекса мер с благой целью увеличения ответственности чиновников перед обществом, повышения управляемости, эффективности органов исполнительной власти, усиления подотчетности федеральному центру** — об-

* Принято считать, что экономический базис «ельцинской России» — это рыночная экономика, которая сопряжена со свободой личности, правом выбора, свободой СМИ, свободой предпринимательства, несмотря на то, что тогда «еще не все получалось».

** Главные шаги в построении вертикали власти: создание семи федеральных округов, разделивших страну на примерно равные в экономическом отношении части, назначение главами федеральных округов людей, подотчетных президенту (председателю правительства РФ), переподчинение глав субъектов федерации новым чиновникам.

ратной стороной стало «запаздывание» реакций представителей чиновничьего аппарата с мест, относительно слабая обратная связь вертикальных управленческих сигналов с населением. Эти эффекты повлекли за собой конкретные негативные последствия, главные из которых — имитация видимости конкуренции, политической борьбы и демократии; доминирование неформальных отношений (часто основанных на коррупции), регулируемых стихийно устанавливающимися понятиями (жизнь «по понятиям»), подменяющими официальные законы. При этом фактор доверия (недоверия) играет ключевую роль.

В статье предпринята попытка установить общие смысловые значения теорий гражданского общества и доверия и сделать на этой основе фундаментальные прогностические выводы в рамках парадигмы «единого процесса человеческого развития».

Информационно-эмпирическая база. В Тюменском государственном университете проблемой доверия достаточно давно занимаются ученые кафедры политологии: проф. В.Г. Богомяков и проф. Г.М. Заболотная. На кафедре экономической социологии в 2008-2009 гг. был реализован проект «Траст»* («Эмпирическое исследование проблем доверия в России») совместно с университетом Чуо (Токио). ТюмГУ совместно с ВЦИОМ провел исследование при участии проф. Г.Ф. Шафранова-Куцева, проф. В.А. Давыденко, проф. Г.Ф. Ромашкиной, аспиранта Г.С. Ромашкина. Так получилось, что по своему базовому инструментарию российско-японское исследование «Траст» практически полностью совпало с инструментарием проекта Всемирного ценностного опроса «World Values Survey» — крупнейшего в современной научной истории социологического исследования, связанного с представлениями, ценностями и убеждениями жителей различных стран мира [2]. К сожалению, мы узнали об этом и поздно, и достаточно случайно — лишь тогда, когда была проведена основная часть эмпирических исследований в России.

Выборки. По проекту «Траст» — всероссийская выборка, численность респондентов 1600 человек, выборка репрезентативна по территориальному, половозрастному, социально-демографическому признакам, опрос в 2009 г.; пилотажная выборка (предтест) — 50 человек, проживающих в Тюмени и на юге Тюменской области, опрос по инструментарию, разработанному совместно с проф. М. Сасаки из Токио (университет Чуо). Выборки по региональному проекту в Тюменской области (ХМАО, ЯНАО и юг Тюменской области) в 2006 и 2009 гг. соответственно 4100 чел. и 4500 чел., репрезентативные по территориальному, половозрастному, социально-демографическому и образовательному признакам**.

Введение в проблемы доверия и гражданского общества. Доверие — одно из основополагающих общественных отношений. Без него не могло бы ни

* На основании договора №6/1034-08 от 22.12.2008 г. между Институтом социальных наук университета Чуо (Токио), в лице директора М. Сасаки и ГОУ ВПО ТюмГУ в лице ректора Г.Н. Чеботарева.

** Использование этих данных является частью проекта «Социокультурные портреты регионов России», осуществляемого под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина и проф. Л.А. Беляевой (ИФ РАН) по Тюменской области при выполнении НИР по грантам РГНФ 2006-2010 гг. (проекты №06-03-00566а и №09-03-00676а).

существовать, ни развиваться человеческое общество. Но на первый план доверие выходит тогда, когда возникает серьезный кризис. Так, глобальный финансово-экономический кризис до предела обострил именно проблему доверия. Он продемонстрировал, что утрата доверия оборачивается миллиардными финансовыми потерями, и наоборот, его сохранение — это условие стабильности и развития. Более того, анализ различных проявлений финансово-экономического кризиса показывает, что многие экономические категории (деньги, валютные резервы, кредит) по существу являются экономическими формами доверия. Подобным же образом фактор доверия/недоверия воздействует на экономическую жизнь и валютно-финансовую систему. Доверие к власти и национальной валюте способствует их укреплению и экономическим успехам, а недоверие ведет к негативным тенденциям, вплоть до кризисов в соответствующих областях. Это сказывается даже на темпах рождаемости: если люди доверяют власти и полагаются на обещания скорых экономических успехов и роста благосостояния, они в большей степени идут на риск обзаводиться детьми, в случае же недоверия к существующей власти будущее — и персональное, и общественное — представляется им мрачным и непредсказуемым. Более того, как показывают современные исследования в области международных отношений, региональная и глобальная безопасность прямо связаны с наличием или отсутствием «климата доверия», со степенью доверия/недоверия мировых игроков друг другу. В случае кризиса доверия, когда на смену доверию приходит недоверие, сильное эмоционально-позитивное настроение, вплоть до экстатического обожания, приводящего к массовому психозу (Наполеон, Гитлер, Сталин), трансформируется в безразличие (СССР брежневского периода), презрение (крах Романовых или Габсбургов), порой в ненависть (финал Муссолини). Не углубляясь в исторический анализ, необходимо заметить, что доверие/недоверие к политическим, религиозным, финансовым и прочим социальным институтам в качестве тех или иных взаимосвязанных инвариантов и детерминантов пронизывают всю историю человечества. Но если на ранних ее этапах внутри социумов преобладало взаимное доверие, а с недоверием относились главным образом к иноплеменникам, то позднее, по мере роста социальных общностей и усложнения их институциональных структур внутри социумов, усиливается фактор недоверия между людьми и социальными группами. Очевидно, что современные события в России в целом подтверждают эту общемировую тенденцию.

Статья основана на достаточно известных научных теориях социологии доверия и гражданского общества [см., например: 1, 2, 3, 4, 5, 6]. Точка зрения доверия представлена в контексте двух сопряженных теорий: доверия институционального (доверие к институтам) и межличностного доверия (доверие к людям). Иначе говоря, это различия между вертикальным и горизонтальным типами доверия. Доверие к институтам имеет вертикальную направленность — ведь речь идет о доверии к институционализированной иерархической системе, через которую те или иные представители власти управляют людьми, часто в безличной форме. Известные теоретики доверия Патнэм и Фукуяма отмечают, что устойчивые разновидности вертикального доверия характерны для обществ

с преимущественно иерархическими социальными связями, которые не только усиливают интенсивность доверия, но и одновременно также сокращают его социальный радиус: человек доверяет авторитету лидеров, но не другим, таким же, как он, членам общества, если те не принадлежат к «его собственной» первичной группе. Доверие к людям в целом, напротив, ориентировано горизонтально, поскольку речь идет о доверии между равноправными индивидами. Горизонтальное доверие характерно для обществ с преобладанием среднего класса, в рамках которых людей связывают разнообразные формы экономического и гражданского взаимодействия. Хотя горизонтальное доверие не всегда отличается интенсивностью, его социальный радиус относительно велик. Кроме того, горизонтальное доверие отражает, по Грановеттеру, «силу слабых связей», поскольку оно не столько «скрепляет», сколько «наводит мосты». В той степени, в какой эта категория доверия отражает и создает гражданское взаимодействие, мотивируемое самостоятельностью его участников, она способствует освобождению от какой-либо зависимости, отмене каких-либо ограничений, уравниванию в правах — эмансипации. Соответственно, горизонтальное доверие в большей степени ведет к гражданственному сотрудничеству, создающему давление на элиты в пользу демократизации. Высокий уровень вертикального доверия способствует конформизму и подчинению людей диктаторской власти. В теории доверия утверждается, что высокая степень доверия к другим людям свидетельствует о наличии «открытой» (open-minded) социальной атмосферы, типичной для свободных обществ. Этим объясняется положительная корреляция между доверием к людям и стремлением к свободе на уровне общества в целом.

Как подчеркивают Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, «непосредственное взаимодействие между индивидами в небольших группах порождало личностное знание, доверие (или недоверие) и координацию. Порядок ограниченного доступа построен на личных связях и повторяющемся взаимодействии — иерархии личных отношений между влиятельными людьми высших слоев социального порядка. Однако в более крупных сообществах взаимоотношения между индивидами не могут быть основаны только на личностном знании и доверии, они должны быть усилены переплетением интересов, создаваемых социальным порядком» [3; 85]. Таким образом, формируется различие межличностного и институционального типов доверия в обществе. «С одной стороны спектра, личные отношения характеризуются повторяющимся идиосинкразическим взаимодействием, тогда как с другой стороны — безличные отношения характеризуются нерегулярным и стандартным взаимодействием. Другими словами, все личные отношения в некотором роде уникальны, в то время как большая часть безличных отношений одинакова. Между двумя крайностями находятся отношения, в которых идентичность индивидов определяется уникальным образом, но закономерности во взаимодействиях индивидов растут» [3; 86].

Обществами, в которых стремление к свободе имеет большое значение, по определению движет дух эмансипации, что, в свою очередь, предусматривает критическое отношение к иерархии и власти. В этом, как считается, и состоит причина пусть слабой, но отрицательной корреляции между стремлением к свободе и доверием к институтам. Поскольку это стремление отражает независимость от

институционализированного авторитета и даже определенное его неприятие, то оно способствует падению доверия к институтам — особенно тогда, когда это доверие отражает авторитарное мировоззрение. По мнению авторов теории «социального капитала», доверие между гражданами должно сочетаться с уверенностью в работоспособности институтов.

В современных исследованиях по теории доверия прослеживаются три конкурирующих научных подхода: сторонники каждого из них придают различное приоритетное значение по признаку укрепления демократии: это концепция легитимности (или поддержки системы), коммунитаристская концепция (или концепция социального капитала) и концепция человеческого развития (или эмансипационная концепция).

Первый подход настаивает на том, что любому социально-политическому строю необходима легитимность, которую он приобретает только в случае, если население поддерживает как отдельные институты, так и их систему в целом. Сторонники «концепции легитимности» считают, что массовая поддержка той или иной формы государственного управления и доверие к ее базовым институтам обеспечивает социально-политической системе минимально необходимую легитимность, необходимую для функционирования. При этом в качестве эмпирических выводов делаются заключения о том, что массовая поддержка демократии играет ключевую роль в делегитимации авторитаризма и легитимации демократического строя. Сторонники двух других подходов — концепций «коммунитаризма» и «человеческого развития» — следуют традициям школы гражданской культуры, настаивая на том, что для построения работоспособной демократии недостаточно «простого доверия» к ее институтам, необходим также более широкий набор гражданских ценностей (чем просто «минимальная легитимность»).

Второй подход интерпретации доверия (в рамках «коммунитаристской концепции») делает упор на ценностях, вовлекающих людей в повседневную общественную жизнь, укрепляющих их социальные связи и лояльность по отношению к своему сообществу. По мнению Патнэма и Этциони, такая коммунитаристская ориентация создает «социальный капитал», а ее проявлениями являются высокое доверие к согражданам и участие людей в деятельности общественных организаций. Тем самым сторонники концепций «коммунитаризма» и «социального капитала» в целом считают членство в общественных организациях и доверие между людьми той общей плодородной почвой, на которой «расцветает» демократия. Другая научная коммунитаристская школа акцентирует внимание на законопослушности граждан и соблюдении правил «достойного» поведения, «гражданской честности» и «добросовестности» (особенно элиты), считая их тем моральным ресурсом, что поддерживает и укрепляет демократию, которая обладает ограниченными репрессивными инструментами для обеспечения законности. Таким образом, она в большей степени, чем любая другая форма правления, зависит от добровольного соблюдения законов гражданами или «подчинения нормам».

Третий подход интерпретации доверия — это концепции человеческого развития. Как и представители коммунитаристской научной школы, ученые этого направления исходят из того, что для развития демократии большое значение

имеют не просто те или иные установки в отношении социально-политической системы и ее институтов, но и гражданские ценности. Кроме того, теория человеческого развития имеет дело с социальными условиями, ограничивающими или расширяющими имеющиеся у людей возможности выбора. Одним из важнейших среди этих условий является демократия. Она институционализирует гражданские и политические свободы, обеспечивая людям правовые гарантии свободы выбора в частной и общественной жизни.

Поскольку именно выбор лежит в основе демократии, эффективность ей придают гражданские ценности, акцентирующие его свободную реализацию — ценности самовыражения. Таким образом, не все общественные ценности и формы социального капитала одинаково важны с точки зрения демократии: наибольшее значение имеют те из них, которые мотивируются стремлением человека к свободе вообще и свободе выбора в частности. Именно это измерение охватывают ценности самовыражения. Они по сути своей непосредственно связаны с природой демократии. Доверие к людям, как и соблюдение норм и участие в общественных ассоциациях — все это проявление коммунитаристских ценностей и форм социального капитала. В этом пункте концепции гражданского общества и доверия находят свою общую реперную точку. «Скрепляющие» формы социального капитала существуют в виде самых разнообразных сетей неформальных связей, помогающих индивиду, принадлежащему «к своей группе», нарастить «индивидуальный капитал» и затем его выгодно конвертировать.

Широко сопрягаемая с представленными выше концепциями доверия точка зрения в отношении теории гражданского общества представляется как общество с самоуправляемыми структурами, то есть представляющее собой совокупность отношений между лицами, группами и институтами, принципиально не опосредуемыми государственной властью. В гражданском обществе в отношении между собой вступают свободные и независимые люди, чьи права защищены законом, а исходной основой всех прав и свобод (неприкосновенность личности, свобода слова, собраний) — является право индивида объединяться с другими индивидами для защиты своих интересов. Причем чем выше межличностное доверие, тем эффективнее гражданское общество выполняет свои функции. Создаваемые таким образом социальные нормы, ценности, установки обеспечивают негосударственное регулирование взаимоотношений между людьми, хотя любое гражданское общество всегда нуждается в упорядочивающем воздействии государства, обеспечивающего ему легальную защиту прав и свобод. Элементами гражданского общества являются: политические партии, общественно-политические организации и движения (экологические, правозащитные и т. п.), союзы предпринимателей, ассоциации потребителей, благотворительные фонды, научные и культурные организации, спортивные общества, муниципальные коммуны, ассоциации избирателей, политические клубы, независимые средства массовой информации, церковь, семья и др.

Ни в общественном сознании, ни в научных кругах пока еще нет очевидного единодушия (конвенций) в представлениях о том, каким должно быть российское гражданское общество, каковы его системообразующие признаки. Так, ведущие ученые Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ-ВШЭ убеждены, что «базовыми для гражданского обще-

ства выступают проявления альтруизма, солидарности и свободной самоорганизации» [6; 5]. Однако это — теоретически вполне возможный, но не обязательно практически необходимый набор реально действующих признаков гражданского общества. Для гражданского общества допускается следующая «идеальная модель» стратегии его социального развития, обеспечивающая воспроизводство социума: ее «должно определять не государство и не властная элита, а самоорганизованное сообщество». При этом «предпосылкой этой деятельности по самовоспроизводству социума является высокий уровень согласия, доверия как к существующим социальным (в том числе политико-правовым) институтам, так и к каждому члену гражданского общества» [5; 7]. На наш взгляд, такого рода «идеальная модель» стратегии социального развития гражданского общества носит явно утопический характер. Важно обратить внимание на то, что, несмотря на наличие многочисленных общественных объединений и движений самого различного толка, практический уровень самоорганизации россиян в плане лучших демократических образцов до сих пор все еще остается достаточно низким. Прагматические же модели развития гражданского общества имеются в публикациях, в которых подчеркиваются потенциальные и реальные экономические выгоды от гражданской самоорганизации [2].

Как справедливо указывает Л.И. Якобсон, «сфера гражданского общества взаимодействует с экономической и политической сферами; более того, черты разных сфер нередко присутствуют в одних и тех же социальных феноменах в качестве их аспектов». Отмечая, что развитие каждой сферы «имеет собственные основания», автор акцентирует внимание на том, что «экономическую и политическую сферы роднит в узком смысле утилитарный, преимущественно «потребительский» либо вынужденный характер взаимодействий «по горизонтали» (рыночные сделки) или «по вертикали» (власть, законное доминирование). В гражданском обществе люди свободно реализуют отношение к другим как личностям. Соответственно взаимодействие, с одной стороны, не диктуется жесткими предписаниями, а с другой — реализует альтруистические устремления или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми». В то же время отмечается, что «в сфере распоряжения властью и борьбы за нее субъекты интересны друг другу прежде всего фактическими или потенциальными статусами, а в экономической сфере — теми благами, которые способны предложить к обмену либо произвести за вознаграждение. В сфере же гражданского общества взаимодействие мотивируется взаимодополняющими качествами личностей, совпадением их интересов, сходством жизненных обстоятельств или, как, например, в случае благотворительной деятельности, напротив, контрастом этих обстоятельств и возможностью взаимодополнения» [6; 5]. При этом важно подчеркнуть, что без доверия между его членами никакое гражданское общество вообще невозможно.

Отмечая «слабости» гражданского общества в посткоммунистической Восточной Европе, М.М. Ховард последовательно отвечает на вопросы: «почему мы должны изучать гражданское общество?», «как мы изучаем гражданское общество?», «почему посткоммунистические граждане не участвуют в общественных организациях?», и главное: «почему доминирует недоверие к организациям посткоммунистического типа?». Используя результаты всемирного ценностного опроса World Values Survey [1] и проведя интерпретационный анализ эмпири-

ческой базы полученных данных, М.М. Ховард показывает факты «недоверия к организациям», фиксирует ситуации «устойчивости неформальных сетей общения» и «устойчивости неформальных дружеских связей», и как следствие — «полное разочарование посткоммунистической реальностью» [4].

Основная идея авторов классических концепций модернизации (Карл Маркс, Макс Вебер), состоящая в том, что в основе масштабных изменений в социальной, экономической, культурной и политической сферах общества лежит его социально-экономическое развитие, соответствует действительности. Это подтверждается значительным массивом фактического материала, в том числе данными социологических опросов, проводившихся в 81 стране, где проживает до 85% населения планеты [1] с 1981 по 2011 годы. Полученные данные демонстрируют, что основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов более передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран; причем эти ценности эволюционируют в предсказуемом направлении. Как верно указывал Маркс, социально-экономическое развитие оказывает воздействие на поступки и устремления людей («бытие определяет сознание»); но, как не менее верно указывал Вебер, преобладающие в обществе мотивации, идеологемы, убеждения определяются его социокультурным наследием («культура имеет значение», в то время как процесс индустриализации повлек за собой рационализацию, секуляризацию («расколдовывание») и бюрократизацию мира.

Возникновение современного «общества знаний» обернулось изменениями фундаментального порядка, идущими в новом направлении: повышается роль личной независимости (индивидуальной автономии), самовыражения и свободы выбора. Этот глобальный макропроцесс самым непосредственным образом связан с развертыванием базовых элементов гражданского общества и усилением проблематики доверия, играющих ключевую роль в возникновении и развитии демократических институтов.

Главные тезисы научной школы социологии доверия заключаются в том, что массовые ценности, социально-политические институты и формы доверия должны носить взаимно согласующийся сопряженный характер — поскольку только в этом случае соответствующий социальный порядок будет стабилен и эффективен. Благодаря демократии люди обретают доверие к другим людям и к институтам, толерантность, постматериалистические стремления к гражданской и политической свободе. Если политический режим функционирует в рамках культуры с преобладанием ценностей материального выживания, где свобода имеет второстепенное значение по сравнению с давлением социальных норм и подчинением государственной власти, то в такой ситуации демократия вряд ли сможет утвердиться. А харизматический лидер сможет без труда нагнетать в обществе ощущение нависшей угрозы, создавать благоприятные для себя условия и условия для давления элит на представителей иных социальных групп, обеспечивая «вынужденное согласие» населения с авторитарной по своему характеру властью — вплоть до поддержки людьми отмены их собственных гражданских и конституционных прав (концепция вынужденного согласия без какого-либо доверия). Авторитарный режим вряд ли будет функционировать эффективно (с точки зрения авторитарного режима), если он будет подвергаться серьезному давлению со стороны общественных сил, выступающих за утверждение независимости, свободы и самовыражения. Это связано с тем, что люди, обладающие такими ценностями, не поддерживают режи-

мы, ограничивающие свободу и вынуждающие нести издержки «подавления стремлений», которые тем более начинают расти, если общественность поддается разным формам воздействия авторитарного режима.

Рост издержек, связанных с «подавлением стремлений», все более снижает эффективность функционирования общества, порождая системные конфликты внутри элит, усиливая рост диссидентских и антиправительственных движений.

Как показал опыт большинства стран бывшего СССР, со времени драматического перехода к демократии в 1991 году люди в большинстве этих государств не стали больше доверять друг другу, не стали более толерантными и счастливыми. Установлено, что Россия и восточная группа посткоммунистических стран (Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Грузия, Македония, Молдова, Румыния, Сербия-Черногория и Украина) в рейтинге ценностей самовыражения оказались расположены даже ниже исламских стран, и намного ниже наиболее передовых мусульманских государств — Турции и Ирана [1; 234].

Главный вопрос: почему тема доверия и связанные с ней «рейтинги доверия» так сильно интересуют саму власть и элиту? И каким образом можно представить некие научные основы для реальных прогнозов будущего развития такой страны, как Россия? Наши рассуждения основаны на анализе трендов хорошо известных экономико-политических событий, длинных экономических трендов (1990-2010 гг.) и реакций на них властной элиты.

Когда Е.Т. Гайдар в начале 1990-х гг. начал проводить реформы, самые глубокие, по крайней мере, в истории нашей страны, — он пользовался очень высоким уровнем доверия в обществе (народ поверил в успех рынка) и высоким рейтингом «личного доверия» к Б.Н. Ельцину. В итоге были реализованы фундаментальные исторические институциональные изменения, задавшие действительно новое направление в развитии страны на годы вперед. Но, как результат реформ, обрушился рейтинг «личного доверия» к Б.Н. Ельцину. Когда рейтинг первого лица падает — это очень опасно для устойчивости власти и общества. Сегодня многие по-прежнему осуждают тот период. В повседневный обиход были запущены фразы: период «дикого капитализма», «лихие девяностые». Однако легитимизации тех реформ так и не произошло. И этот вопрос по-прежнему актуален для России.

Надо исходить из тезиса о том, что понятие «высокий рейтинг доверия» у первого лица в обществе означает наличие реальной персональной власти.

Когда в 1995-м г. рейтинг «личного доверия» к Борису Николаевичу Ельцину опустился почти до трех процентов, российская власть для собственного самосохранения буквально вынуждена была «пойти на поклон» к олигархам — просить у них финансовые и медийные ресурсы для предвыборной кампании. Следствием этого стали «залоговые аукционы» (серия сделок 1995 г., в результате которых в собственность ряда коммерческих банков перешли государственные пакеты акций нескольких крупных компаний, таких как «ЮКОС», «Норильский никель», «Сибнефть»), и «коробки из-под ксерокса». В итоге чисто манипулятивным, искусственным путем был поднят «рейтинг доверия» первого лица до нужных кондиций, и Борис Николаевич Ельцин «добрал» нужное количество голосов.

Теперь рассмотрим сегодняшние реалии.

Ниже представлены динамические ряды относительно рейтинга доверия первым лицам государства в сравнении с данными, полученными «Левада-Центром», ВЦИОМ и ФОМ. Динамика «формального» рейтинга доверия В.В. Путину за последние 10 лет весьма устойчива и составляет в среднем 39-41% с максимумом в 62% в «выборный» 2008 г. (Табл. 2.1, данные «Левада-Центр») (рейтинг доверия около 40% вполне хватит для победы над конкурентом в 1-м туре голосования).

Таблица 2.1.

Доверие политикам. Опросы «Левада Центра». N=1600 чел.
Вопрос: «Назовите, пожалуйста, 5-6 политиков, которым вы более всего доверяете/не доверяете?» (открытый вопрос, до 6 ответов)

Месяц / год	сен. 00	сен. 01	сен. 02	сен. 03	сен. 04	сен. 05	сен. 06	сен. 07	сен. 08	сен. 09	янв. 10	фев. 10	мар. 10	май. 10	июн. 10
1. Путин В.В.	39	42	54	44	42	44	45	51	62	49	48	50	50	48	44
2. Медведев Д.А.							9	19	47	38	39	41	43	39	38
3. Шойгу С.К.	8	15	22	17	15	18	19	22	17	14	13	15	15	18	15

Месяц / год	июл. 10	авг. 10	сен. 10	окт. 10	ноя. 10	дек. 10	янв. 11	фев. 11	март. 11	апр. 11
1. Путин В.В.	48	46	41	41	46	49	40	44	39	42
2. Медведев Д.А.	39	39	33	41	47	40	35	38	34	37
3. Шойгу С.К.	15	16	13	13	21	13	14	14	14	15
4. Собянин С.С.				3	6	6	4	5	5	5

Источник: URL: <http://www.levada.ru/press/2010092303.html>; <http://www.levada.ru/press/2011021602.html>;
<http://www.levada.ru/press/2011042000.html>

Доверие россиян к президенту и премьеру между мартом 2010 г. и мартом 2011 довольно резко пошло на убыль, снизившись от 11% (В.В. Путин) до 9% (Д.А. Медведев). Таких колебаний социологи аналитического «Левада-центра» не наблюдали даже в 2009-й кризисный год. Однако в апреле 2011 г. рейтинг доверия «вернулся обратно», достигнув соответственно 42% (В.В. Путин) и 37% (Д.А. Медведев). Эксперты и аналитики считают, что в январе 2011 года проявилась общая «усталость от затянувшегося выхода страны из кризиса», которая «вяло нарастает в последние два года». С одной стороны, резких ухудшений в жизни простых граждан не происходит, но с другой — люди «не видят ясной и явной перспективы». А в таком состоянии доверие общества к руководству страны начинает колебаться. В то же время нельзя не замечать, что «высокое одобрение», которое фиксируют социологические службы, связано «с авторитетом должности». Как бы поэтому считается, что и президент, и премьер в российском обществе «всегда популярны», кто бы ни занимал эти должности. «Авторитет личности» в январе 2011 года понизился потому, что для этого были основания. К примеру, транспортный коллапс в аэропортах, из-за которого многие не могли вылететь на отдых, повышение тарифов на услуги ЖКХ. Однако против позиции о том, что «высокое одобрение связано с авторитетом должности» говорит тот факт, что Борису Ельцину в 1999 г. перед его уходом в отставку «доверяли всего 3%».

Падение рейтингов Медведева и Путина — серьезный вызов и головная боль для политико-бюрократической системы, ячейки которой привыкли «давать результат», полагая, что победа в этом соревновании — гарантия сохранения кресел за людьми на местах. Падение рейтингов Медведева и Путина ставит в тупик и потому, что эти рейтинги во многом условны. Во-первых, они не отражают соотношение спроса на предложения правящей элиты и оппозиции. Предложение оппозиции отчасти маргинализировано, отчасти просто не оформлено надлежащим образом, а отчасти поглощено властью, которая пытается усидеть на двух стульях. Во-вторых, Медведев и Путин — фигуры, воплощающие в себе различные политические проекты, различные видения страны, различные типы менеджмента. При этом они явно не конкурируют друг с другом в политическом пространстве и публично всячески подчеркивают единство и даже единомыслие. Вследствие этого, например, сложно говорить о чистом рейтинге Медведева. Сложно определить, в какой мере он обязан своими показателями политическому капиталу, заимствованному у Путина, в какой мере близость к премьеру повышает доверие к нему, а в какой — снижает. Сложно разделить тандем, когда речь идет о рейтингах [7].

Наиболее сильный пример представления позиции системного доверия / недоверия в современной социальной жизни российского общества — это выступление А.Л. Кудрина 18 февраля 2011 г. на VIII Красноярском экономическом форуме, который с жесткостью, присущей министру финансов России, поставил вопрос о необходимости решать две взаимосвязанные системные проблемы для современного российского общества: то, что экономическое развитие России возможно только при условии доверия*, которое выражается через честные справедливые выборы, а также то, что мы живем «по понятиям» в экономике: есть компании, приближенные к правительству и государству, а есть «подальше»**. Тем самым А.Л. Кудрин взял на себя смелость и прямо заявил о том, что без честных, справедливых выборов с участием оппозиции власть не будет иметь мандата доверия на управление страной, а потому нелегитимна. И сейчас есть опасения, что со стороны населения нет достаточной поддержки любым действиям властей.

Отметим, что на фоне традиционно высоких рейтингов доверия первых лиц государства, абсолютно ко всем институтам государства — абсолютно все социологические исследования, включая наши — фиксируют высокое недоверие (табл. 1).

* «Важно, чтобы общество осознало, что эти выборы станут тестом, смотром тех дел, которые осуществляет власть. Чтобы сами выборы были справедливыми и честными, чтобы на них были представлены все ведущие политические силы общества. Только это даст мандат доверия, который необходим для проведения экономических реформ. Если утвердится недоверие, то тогда и наши задачи не будут выполнены в полной мере» [Кудрин А.Л. Стенограмма выступления на VIII Красноярском экономическом форуме 18 февраля 2011 г. Официальный сайт РФ. <http://www.minfin.ru/ru/press/transcripts/index.php?id4=12090>].

** «У нас есть одни частные предприятия, которые ближе к правительству и государству, чем другие частные предприятия, т.е. пользуются административной поддержкой. Слияния, поглощения, доступ к ресурсам часто решаются в кабинетах чиновников. Нужно существенно изменить ситуацию» [Кудрин А.Л. Стенограмма выступления на VIII Красноярском экономическом форуме 18 февраля 2011 г.].

Таблица 1

**Уровень доверия (ответы «доверяю: пожалуй, доверяю»)
в регионах России 2006-2009 гг.**

	Регионы РФ, 2006-2007 гг.											2009 г.		
	РФ 2006 год	Курская обл.	Смоленская обл.	Вологодская обл.	Карелия	Ульяновская обл.	Чувашия	Пермский край	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	юг Тюменской обл.	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	юг Тюмен. обл.
Презид. респ / губернатору	53	66	54	52	54	52	59	42	46	38	42	40	45	43
Парламенту	26	25	18	29	24	28	32	18	19	17	19	23	24	26
Правительству	33	33	24	39	33	34	46	25	28	24	29	30	36	35
Суду	45	45	36	43	52	42	50	46	42	43	43	34	43	41
Прокуратуре	33	31	23	34	35	34	41	34	29	29	30	25	31	31
Милиции	23	24	7	26	27	25	31	21	22	20	18	19	24	24
Полит. парт.	16	17	6	24	15	18	21	11	14	13	12	22	19	21

Обратим внимание на качественную картину: у нас около 75% населения не верят милиции, около 70% не верят прокуратуре, около 60-65% не верят судам. Эти данные нужно определить как проблему национальной безопасности: недоверие ключевым институтам власти как очевидное свидетельство болезни общества. Высокие показатели недоверия населения к названным структурам объясняются тем, что эти институты воспринимаются не столько в качестве защитников интересов граждан, а как механизмы карательно-запретительной системы государства. В общественном мнении прокурор предстает в первую очередь в качестве обвинителя, а на правозащитную деятельность органов прокуратуры указывают лишь единицы опрошенных. Этим в большой степени и определяется зафиксированный исследованием низкий уровень доверия к прокуратуре, суду и милиции. То есть судам — нет, правоохранительной системе — нет, милиции — нет, друг другу — в принципе тоже нет. Получается, что всем — в основном нет. Но доверяют нашим первым лицам — и одному, и другому... Обратим внимание — как минимум двукратный, если не трехкратный разрыв в такого рода доверии. Как это все можно интерпретировать? Можно сказать так: «Над всем этим безобразием стоит начальство, которое все знает». Исследования в 2006 и в 2009 гг. по Тюменскому региону (репрезентативные выборки по полу, возрасту и образованию соответственно 4000 и 4500 чел.), представленные в табл. 2, подтверждают эти выводы.

Таблица 2

**Уровень доверия населения Тюменской области институтам власти
(% от числа опрошенных, 2006 и 2009 гг.)**

		Суду	Президенту / Губернатору	Профсоюзам	Прокуратуре	Милиции	Правительству	Регион. отделениям полит. партий	Парламенту	СМИ
Полностью доверяю	2006	13,0	12,7	6,0	7,3	4,8	6,5	3,1	4,1	6,0
	2009	12,9	12,7	6,4	8,0	5,4	10,1	6,9	7,4	5,8
Пожалуй, доверяю	2006	29,6	29,6	18,6	22,4	15,0	21,0	9,6	14,2	22,0
	2009	25,2	29,5	19,3	20,4	16,3	22,8	14,2	16,9	19,0
Трудно сказать точно	2006	25,3	29,9	35,2	31,0	25,9	30,3	35,5	36,4	24,2
	2009	18,3	23,0	24,9	22,1	20,8	26,2	27,8	27,7	21,5
Не очень доверяю	2006	18,0	14,8	19,2	20,8	28,1	23,1	21,4	22,1	28,2
	2009	18,5	15,4	16,7	20,2	24,3	19,3	19,2	18,5	25,7
Совсем не доверяю	2006	10,3	8,6	15,6	13,7	21,7	14,3	24,8	17,7	15,2
	2009	7,5	7,9	10,8	9,6	16,1	9,2	14,8	10,6	13,8
Не знаю, нет ответа	2006	4,0	4,4	5,5	4,9	4,6	4,9	5,6	5,6	4,5
	2009	17,7	11,5	21,8	19,7	17,2	12,4	17,2	19,1	14,2

Парламенту	26*	25	18	29	24	28	32	18	19	17	19	23	24	26
Правительству	33*	33	24	39	33	34	46	25	28	24	29	30	36	35
Суду	45*	45	36	43	52	42	50	46	42	43	43	34	43	41
Прокуратуре	33*	31	23	34	35	34	41	34	29	29	30	25	31	31
Милиции	23*	24	7	26	27	25	31	21	22	20	18	19	24	24
Полит. парт.	16*	17	6	24	15	18	21	11	14	13	12	22	19	21

Отметим, что и в Украине, где проводились аналогичные исследования*, уровень доверия к милиции, судебной системе, прокуратуре тоже достаточно низок. Можно было полагать, что в условиях реальной демократии и реальных выборов в Украине доверие к прокуратуре, судебной системе и милиции должны были быть достаточно высокими. Но уровень доверия в обществе вообще, и внутри российского общества в частности, доверие общества к власти, к судам, к спецслужбам и в Украине и в России чрезвычайно низки. Это действительно серьезная проблема: люди не доверяют милиции, не доверяют судам.

Концептуальные и прогностические выводы.

1. Упомянутые три концепции доверия выдвигают на первый план три разных аспекта демократической культуры. Концепции легитимности (или поддержки системы) акцентируют на доверие к институтам и на поддержку демократии. Независимо от мотиваций и ценностей, лежащих в основе этой поддержки, ее сторонники считают особо важным фактором делегитимацию авторитаризма и легитимацию демократии.

2. Коммунитаристская концепция доверия (или концепция социального капитала) акцентирует соответствие нормам, общественную активность и межличностное доверие (доверие между людьми) в качестве ключевых факторов,

* См. журнал «Экономическая теория» НАН Украины №3 за 2010-й год, посвященный теме доверия.

порождающих социальную общность и гражданскую лояльность, которые в итоге обеспечивают процветание демократии.

3. В основе концепции человеческого развития лежит тезис о том, что ценности доверия, самовыражения и в особенности — стремление к свободе представляют собой тип массовой ориентации, по своей природе сильнее всего связанный с демократией и ее акцентом на свободе выбора.

4. Характерные признаки современного гражданского общества — наличие свободных людей; развитость и разветвленность демократии; правовая защищенность (в том числе собственности); относительно высокий уровень гражданской культуры.

5. Огромный массив межстрановых данных проекта World Values Survey (Всемирного ценностного опроса), связанного с представлениями, ценностями и убеждениями жителей различных стран мира, показывает, что модернизация в социально-экономической сфере, утверждение ценностей самовыражения в социокультурной сфере и демократизация представляют собой ключевые компоненты единого основополагающего процесса человеческого развития. Его лейтмотивом является расширение свободы выбора личности, увеличивая материальные, когнитивные и социальные ресурсы. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения, а оно, в свою очередь, ведет к нарастанию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод и «отзывчивости» властей (*responsive government*), способствуя формированию демократических институтов гражданского общества.

6. Функционирующая в России «вертикаль власти» весьма активно противодействует объективному процессу человеческого развития (*human development*), базируясь на практиках монополии на власть компактной элитарной правящей группы, находящейся вне контроля и публичной критики, на использовании лидером правящей группы всех преимуществ авторитарного правителя, моносубъектности политического процесса, декоративном характере многопартийности, превращения выборов в механизм плебисцитарного подтверждения статуса правящей группы, допущения свободы слова в пределах, обусловленных особыми интересами и вкусами лидера правящей группы и приближенных лиц, принимающих ключевые решения. А если у нас вертикаль вдруг рухнет — то, конечно, уже ничего не останется. О какой демократии или гражданском обществе можно говорить, если разрушается государство?

7. Остается открытым вопрос о формировании гражданского общества. Будет ли оно когда-нибудь в России? Ведь именно в тот момент, когда Борис Грызлов «замечательно» сказал, что у нас парламент — не место для дискуссий [8], и появилось новое место для дискуссий под названием Общественная палата как элемент гражданского общества; в результате ни парламент не работает, ни Общественная палата никаких функций не выполняет, потому что у нее нет никаких полномочий.

8. Говоря о фундаментальных прогностических выводах в рамках представленной парадигмы единого процесса человеческого развития в контексте теорий доверия и гражданского общества, нужно отметить следующее. Российское общество будет нормально развиваться, если будут происходить процессы демонополизации, развития рыночной экономики, если вернуться

демократические институты власти, избираемый парламент, который является местом для дискуссий, действительно независимый суд, где экономика и политика будут построены на принципах конкуренции и на законах, где существует система социальных гарантий и социальных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.
2. Аузан А.А., Тамбовцев В.Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28-49.
3. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества: Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
4. Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе М.: Аспект-пресс, 2009.
5. Честнов И.Л. Проблема доверия как принципа гражданского общества и права // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. №1. С. 7-10.
6. Якобсон Л.И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. №1. С. 2-6.
7. Рейтинг вне конкуренции. Об уровне доверия и ответственности власти перед обществом // Независимая газета. 2011. 28 апреля.
8. Левченко Б.В. Не место для дискуссий // Газета. Ru. 2007. 15 ноября.